

Леонид Алексеев

Вирсавия

Пьесы и сценарии

16+

Леонид Алексеев

Вирсавия

«Автор»

2020

Алексеев Л.

Вирсавия / Л. Алексеев — «Автор», 2020

Три пьесы и два сценария. Пять историй о непростых человеческих отношениях. Тайные мотивы, холодный расчёт и горячие эмоции. Сложные характеры, связанные судьбой и любовью.

© Алексеев Л., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Подделка	5
Действие первое	6
Картина вторая	9
Картина третья	11
Картина четвёртая	12
Картина пятая	14
Картина шестая	16
Картина седьмая	18
Картина восьмая	19
Картина девятая	21
Действие второе	22
Картина вторая	25
Картина третья	28
Картина четвёртая	31
Картина пятая	33
Картина шестая	35
Картина седьмая	36
Картина восьмая	38
Вирсавия	40
Действие первое	41
Картина вторая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Леонид Алексеев

Вирсавия

Подделка

Комедия в двух действиях

Действующие лица

Запольская Карина Эдуардовна, 40 лет, владелец страхового агентства.

Запольский Юрий Лукич, 43 года, аукционист, муж Карины.

Юсенков Павел Сергеевич, 40 лет, художник, эксперт по изобразительному искусству, Каринин друг детства.

Рунец Эдуард Викторович, 62 года, коллекционер искусства, отец Карины.

Рунец Анна Осиповна, жена Эдуарда Викторовича, мать Карины, возраст не важен, только упоминается.

Краковский Бова Карлович, 57 лет, криминализированный бизнесмен, прозвище: «Бова-из-Ростова».

Дергобузов Иван Глебович, 60 лет, друг Бовы, нотариус.

Филин Аркадий Ильич, 43 года, крупный бизнесмен.

Мудива Мадаки, неопределённого возраста, жена Филина, беженка из Конго.

Пётр, 28 лет, секретарь Эдуарда Викторовича.

Гедич Люся, 20 лет, любовница Эдуарда Викторовича.

Шатрова Мирра Андревна, 53 года, учитель математики, прозвище: «Миранда».

Брун Инесса Леопольдовна, 65 лет, директор школы, прозвище: «Врунесса».

Юзина Нина, 17 лет, одноклассница Карины и Павла, кличка: «Юзя».

Бубырёв, ученик младших классов.

Братья Нины, первоклассники, безымянные.

Дети Мудивы, пятеро: двое чёрных – постарше, трое белых – на вид лет 6-7.

Место действия: Москва.

Время действия: 2010 год, флэшбэки в 1987, 1993, 2004 и 2008 годы.

Действие первое

Картина первая

2010 год. Октябрь. Дом Эдуарда Викторовича. Гостиная.

Карина, Юрий, Бова, Дергобузов и Павел.

ЮРИЙ. Что ж, нет худа без добра: теперь весь дом наш.

КАРИНА. Юра, поймей совесть! Гроб с папой в холле, а ты...

ЮРИЙ. Да я её уже... Нет, а что гроб? Завтра вынесем, и тогда уж точно...

КАРИНА. И я бы не обобщала так смело, знаешь...

ЮРИЙ. Твой, Риночка, твой дом, конечно. И коллекция твоя. А вот, представь, Эдуард Викторович расписался бы с той малолетней профурсеткой – Люськой – после смерти твоей мамы.

КАРИНА. Нашёл время вспоминать. Намекаешь, что я тебе недостаточно благодарна. Что ж, тоже своевременно.

ЮРИЙ. Я к тому, что это уж точно было бы худо без добра. Но как я ей дизайнера-то подсунул, а? Как его звали?

КАРИНА. Юра!

ЮРИЙ. Нет, не Юра, мы с ним не тёзки...

КАРИНА. Хватит комедию ломать!

ЮРИЙ. Так и пропали в своих Парижах, среди лиловых сенегальцев.

КАРИНА. Рано радуешься. Погоди, сейчас пойдут ещё... Будут отцовство выбивать для своих ублюдочков. Ох, папа, папа...

ЮРИЙ. Кстати, Пётр так и не выяснил, что за мужчина приходил к Эдуард Викторовичу в день смерти?

КАРИНА. Не знаю... Да какая теперь разница...

Входит Бова.

ЮРИЙ. Наипочтеннейший Бова Карлович! Здравствуйте! Пришли проводить в последний путь Эдуарда Викторовича? Или, может быть, желаете выставить на мой аукцион какую-нибудь безделушку, миллионов эдак на пять-шесть?

БОВА. Не знаю, не знаю, Юра, после статуэтки Дергобузова...

КАРИНА. Опять статуэтка?

ЮРИЙ. Ничего-ничего, Риночка, мы с Иван Глебычем всё уладили.

БОВА. Карина Эдуардовна, не посмел бы вас беспокоить в такой день, но дело деликатное, а завтра, знаете, уезжаю. На отдых, подлечиться. Эти торфяные пожары меня доконали. За целое лето так и не выбрался из города. Поэтому никак нельзя откладывать.

КАРИНА. Не представляю, Бова Карлович, чем могу...

БОВА. Карина Эдуардовна, батюшка ваш, покойный Эдуард Викторович, передал мне в счёт карточного долга картину.

КАРИНА. Карточного?!

ЮРИЙ. Вот именно это я и называю: «вовремя».

БОВА (показывает на картину на стене). Да, вот эту. То есть должен был оригинал, а отдал копию.

КАРИНА. Этого Жеро? Юра, ты знал?

ЮРИЙ. Впервые слышу.

КАРИНА. Да как он мог?! Это же...

БОВА. Недоразумение, понимаю.

КАРИНА. Какое ещё недоразумение?! Юра!

ЮРИЙ. Да... Ситуация... И правда...

КАРИНА. Какая ещё ситуация?! Эту картину нельзя трогать. Какие копии?!

БОВА. Карина Эдуардовна, не хотел вас расстраивать, поверьте. Уверен, всё скоро разрешится. Я сейчас позвоню своему эксперту, он посмотрит и мигом определит. (Набирает номер на мобильном.)

КАРИНА. Какому ещё эксперту?! Что определит?! И где это папа проиграл вам в карты, не в вашем ли этом, злосчастном подпольном казино?

БОВА. Кариночка Эдуардовна, ну к чему эта конкретика. В вашем не в вашем... Любим по-стариковски посидеть, знаете, за пулечкой. С батюшкой вашим и с Дергобузовым. Бывает, что ж...

КАРИНА. Что-о?! Опять этот ваш Дергоzubов?! Да кто он такой, вообще?!

ЮРИЙ. А вы точно уверены, Бова Карлович, что копия?..

КАРИНА. Вот именно! У меня тоже эксперт... Сейчас... (Достаёт мобильный и набирает номер.)

БОВА. (Смотрит на свой мобильник.) Сбросил.

КАРИНА. И мой не берёт.

Входит Павел. В руке у него звонящий мобильник. Павел сбрасывает звонок.

ПАВЕЛ. Карина, ты мне звонишь? Я здесь. (Целует Карине руку.) Мои соболезнования. (Бове.) И вы звонили, Бова Карлович?

БОВА. Да-да, Павел. (Карине.) Вот, Павел Сергеевич, мой эксперт.

КАРИНА. И мой... Эксперт. Паша, представь, Бова-из-Ростова выиграл у нашего папы вот этого Жеро.

БОВА. У-у! Когда меня так в последний раз называли?

ПАВЕЛ. Ничего не поделаешь, биография – липкая вещь.

КАРИНА. Сделал ставочку!

ПАВЕЛ. Ах, вот оно что. (Отходит в сторону.) Да, он любил ставить по-крупному.

КАРИНА. Что значит «любил»?

БОВА. Карина Эдуардовна, прошу вас, дело одной минуты, Павел Сергеевич глянет на картины и скажет, которая из них копия.

КАРИНА. Да что тут глядеть? У вас копия, у меня подлинник, и прощайте. Но с чего вы вообще взяли, что у вас?..

БОВА. Логика ваша, Карина Эдуардовна, безукоризненна, но, понимаете, какая незадача, у меня таких картин две.

КАРИНА. Действительно, Бова Карлович, вам пора на курорт. Каких две? Это единственный Жеро в частных коллекциях. Да и то... Откуда эта, например, копия.

ПАВЕЛ. Эдуард Викторович заказал мне её, пока вы с Юрой были на Мальдивах.

КАРИНА. А...

БОВА. А вторую мне Дергобузов подарил на день рождения. (Павлу.) Павел Сергеевич, так это ваша работа? Что же вы мне сразу не сказали?

ПАВЕЛ. Так что тут сразу скажешь?

КАРИНА. Опять этот...

Входит Дергобузов.

БОВА. Вот и сам Иван Глебыч, он всё подтвердит.

Юрий отходит в дальний угол – прячется.

ДЕРГОБУЗОВ. (Карине.) Наконец-то представился случай познакомиться лично. Жаль, что такой печальный. Дергабузов. Иван Глебович. Нотариус. Имел честь знать вашего отца. И по работе, и, так сказать, в минуты отдохновения. Мои соболезнования, Карина Эдуардовна. (Бове.) Что вот ты, Карлыч, вечно... Что я должен подтвердить? У людей горе, а ты... Как был Бова-из-Ростова, так и остался.

БОВА. Мою географию сегодня пинают уже не в первый раз.

ДЕРГОВУЗОВ. (Юрию.) Юра? А ты как тут?.. (Смотрит на Бову.)

БОВА. Зять Эдика. Ты не знал?

ДЕРГОВУЗОВ. Нет. Гляньте-ка, Эдик тоже ценил Жеро. Хорошая копия. Юрочка, выходи, не бойся. Мы же с тобой всё уладили. Я твоего Жеро Бове подарил.

ЮРИЙ. Здрастье-здрастье, Иван Глебыч. От вас спрячешься, пожалуй.

БОВА. Я как раз говорил, что ты мне подарил картину на день рождения. Но Эдик мне такую же отдал в счёт долга. За свой последний проигрыш. Ну, помнишь, он ещё взял три на мизере?

КАРИНА. Так стоп. Тихо все! Юра, какой такой «твой оригинал», скажи, пожалуйста? Оригинал чего? И что ты уладил с этим человеком?

ЮРИЙ. Риночка... Господа... Эдуард Викторович... Ведь прощание... Давайте позже всё обсудим.

КАРИНА. Не о той статуэтке речь, которую я отказалась страховать и тебе запретила выставлять её на аукцион, а?

ДЕРГОВУЗОВ. Ах, вот почему Юра её не застраховал. А это, на минуточку, древний Египет, двадцать четвёртый век до нашей эры. Не баран чихнул. (Бове.) Так что ты, Карлыч, говоришь, у тебя образовалось два Жеро?

КАРИНА. Секундочку!

БОВА. Карина Эдуардовна, минута максимум. (Павлу.) Павел Сергеевич, покончим уже с этим. Неловко, честное слово.

ДЕРГОВУЗОВ. Если я правильно понял, ты, Юра, подсунул мне подделку? И мало того. Я эту подделку подарил своему другу на день рождения?

КАРИНА. Да послушайте же!

ПАВЕЛ. Не беспокойтесь, Иван... Глебович, правильно?

ДЕРГОВУЗОВ. Как же Глебовичу не беспокоится, когда это оскорбление, унижение в квадрате. Позорище! Я такого ни в жизнь не прошу!

ПАВЕЛ. Успокойтесь, Иван Глебович, ваша картина – подлинник.

БОВА. Ну вот, Вань, видишь, и прояснилось. Павел Сергеевич – дока. Результат – сто процентов. Пойдите-ка, но что ж выходит, остальные две картины – подделки?

ПАВЕЛ. Пока не начнёте их продавать – копии.

БОВА. Хм, нормально.

КАРИНА. И каким же, интересно, макарон подлинник нашего Жеро попал в лапы господина Дергозузова? А, Юра?

ДЕРГОВУЗОВ. Я – Дергозузов, Карина Эдуардовна.

КАРИНА. Тем более странно. Юра?!

ЮРИЙ (тихо). Мне пришлось...

КАРИНА. Громче!

ЮРИЙ. Пришлось отдать в уплату разбитой статуэтки.

КАРИНА (Дергозузову). Эта статуэтка, господин-не-баран, числится разбитой ещё со времени её перевозки с места раскопок. Поэтому мой муж вам ничего не должен. Вы – мошенник. Покиньте мой дом, или я вызову полицию.

ДЕРГОВУЗОВ. Карина Эдуардовна, я бы так не горячился на вашем месте. Дом уже не ваш. А полиции я скажу, что вы пытаетесь мне отомстить за карточный проигрыш вашего отца.

БОВА. Ой, сейчас-то зачем, Глебыч? А ещё мне пеняешь...

ДЕРГОВУЗОВ. Расклад-с.

Картина вторая

2005 год. Дом Эдуарда Викторовича.

Эдуард Викторович, Аркадий Филин, Карина.

ФИЛИН. Уверен, Эдуард Викторович, у вас картина будет в полной безопасности.

РУНЕЦ. И в сохранности.

ФИЛИН. Не сомневаюсь.

РУНЕЦ. (Зовёт Карину.) Сейчас она придёт, и вы с ней всё по страхованию решите.

ФИЛИН. Редкая удача, что мне именно вас порекомендовали.

Входит Карина.

КАРИНА. Папа?

РУНЕЦ (Филину). Вот, Аркадий Ильич, познакомьтесь, моя дочь, Карина.

ФИЛИН. Весьма польщён. Филин. Аркадий Ильич. Бизнесмен.

РУНЕЦ. Ой, Аркадий, не скромничайте! Магнат! Олигарх!

КАРИНА. Запольская. Карина Эдуардовна. Скромничать не буду. Папина дочь. И, насколько я понимаю, вас интересуют услуги моего страхового агентства.

ФИЛИН. Да-да, Карина Эдуардовна, очень интересуют. (Расчехляет картину и ставит её на напольную подставку для картин.)

РУНЕЦ. Изумительно! Кариночка, ты посмотри только!

КАРИНА. Это не тот Жеро, за которым гоняется весь мир коллекционеров и аукционистов?

РУНЕЦ. Тот, тот, он самый. Твой Юра сойдёт с ума. Пусть не наш, но хоть в хранилище побудет.

КАРИНА. Не поняла. Ты его не покупаешь?

РУНЕЦ. К сожалению, нет. Аркадий Ильич оставляет мне её на хранение. Уезжает за границу, к супруге, и оставляет.

ФИЛИН. Да, уезжаю. Видимо, надолго. Одних контрактов на десять лет вперёд – до пятнадцатого года.

КАРИНА. Так арендовали бы хранилище в каком-нибудь банке. Зачем вы отдаёте её в частные руки?

ФИЛИН. Что вы, Карина Эдуардовна, какой банк?! Картине нужны условия, это же не какой-то там мешок с деньгами – бросил и забыл. А у Эдуарда Викторовича всё продумано. Хранилище оборудовано по последнему слову и с любовью к искусству.

КАРИНА. Ну, допустим. А с собой взять? Если она вам так дорога, как же вы без неё? Тем более едете, говорите, надолго. Супругу порадовать, нет? Выставлять будете. Вы куда отправляетесь, в Париж небось, или Лондон?

ФИЛИН. В Конго.

РУНЕЦ. Какая экзотика, да, Карина? Африка! Экватор! Что там ещё? А какая жена у Аркадия Ильича красавица. Покажите фото Карине, Аркадий Ильич, если можно.

ФИЛИН. (Показывает фото Карине.)

КАРИНА. Ой, какая пёстрая юбка! Они там всей деревней так одеваются, из лоскутков шьют?

ФИЛИН. Это она в национальном наряде.

КАРИНА. Я догадалась, что это не Карден. У неё, наверно, большая семья. У вас теперь целое племя родственников?

ФИЛИН. Во всяком случае, больше, чем у меня было. У неё отец, три брата и ещё...

КАРИНА. И вы едете к ним поднимать животноводство, да?

ФИЛИН. Кстати, это неплохая идея! Кое-какой опыт в сельском хозяйств у меня имеется. Но нет, семья Мудивы на другом поприще подвизается.

КАРИНА. Муди... Кого?

ФИЛИН. Мудива. Мою жену так зовут. «Возлюбленная» в переводе.

КАРИНА. И чем же живёт ваша возлюбленная, если не животноводством? Неужто собирательством?

РУНЕЦ. Ну-ну, Кариночка! Аркадий Ильич ещё подумает, что ты против... Можно тебя на пару слов?

Отходят.

КАРИНА. Пап, а я действительно против. Если даже это и не афера с подставой, то добром эта сделка точно не закончится. Зачем тебе этот головняк?

РУНЕЦ. Это же Жеро! Всякий раз, когда меня будут вспоминать, станут уточнять, мол, не тот ли это Рунец, у которого Жеро?

КАРИНА. Ой! Рунец и жир. О! Велика гордость! Не хочу связываться с этим свинопасом.

РУНЕЦ. Да о чём ты, Карина?! Жена его из семьи алмазных промышленников.

КАРИНА. Да? Уже как-то спокойнее. Не так обидно, когда тебя поимел алмазный рудокоп. Какая сумма страховки, он не говорил?

РУНЕЦ. (Шепчет Карине на ухо.)

КАРИНА. Да ладно! Серьёзно? Вот прям столько миллионов?

РУНЕЦ. Долларов.

Входит Юрий.

ЮРИЙ. Привет честной компании! Эдуард Викторович, готово! Пробил, как вы просили. Да, Жеро... Ой... Аркадий Ильич, моё почтение.

РУНЕЦ. Простите, Аркадий Ильич, такт не наша сильная сторона.

ФИЛИН. Что вы, что вы, Эдуард Викторович, я всё понимаю. Бдительность и контроль – слагаемые профессионализма.

КАРИНА. Надо ещё у Павла проконсультироваться.

ЮРИЙ. Я как раз от него.

КАРИНА. Что ж с вами делать, Аркадий? Вы меня, конечно, не убедили, но отказа мне мужчины не простят. Идёмте оформляться.

Картина третья

2010 год. Дом Эдуарда Викторовича. Гостиная.

Карина, Юрий, Бова, Дергобузов и Павел.

КАРИНА. Ой, не смешите меня!

ДЕРГОБУЗОВ. Это мы ещё завещание читать не начали.

КАРИНА. Какой вы наглец, Иван Глебович!

ДЕРГОБУЗОВ. Мошенник, наглец... Карина Эдуардовна, честное слово! Такая культурная, воспитанная дама...

Входит Пётр.

ПЁТР. Карина Эдуардовна, к вам дама.

КАРИНА. Ко мне? Что за дама? Культурная и хорошо воспитанная?

ПЁТР. Я бы сказал, немного необычная.

КАРИНА. Вечно ты загадками изъясняешься, Петя. Она что, со странностями? И наверняка у неё ребёнок, да, Петь?

ПЁТР. Да, у неё...

КАРИНА. Вот! Началось!

ПЁТР. Пригласить её?

КАРИНА. А я теперь и не знаю. Дом, говорят, не мой. Спрашивай вон у господина Дерго... У Ивана Глебовича, короче.

ПЁТР. Пока ваш.

КАРИНА. Пока?! Да я продам несколько картин и рассчитаюсь по папины долгам. Деловито!

ПЁТР. Он и сам хотел... Продать и рассчитаться... Но не успел.

ЮРИЙ. Он не успел, а мы успеем...

КАРИНА. Нет больше никаких мы, Юра! Да и не было, если разобраться. Я тебе по гроб жизни благодарна за целых три года маминой жизни. Но, считай, выкупила у тебя эту благодарность, все долги сполна оплатила. Нас теперь ничто вместе не удержит...

ПАВЕЛ. Карина!

КАРИНА. Да, Паша, может быть, мы ещё успеем с тобой побыть счастливыми.

ЮРИЙ. Я подозревал, что вы с ним всё это время...

КАРИНА. Юра не опускайся ниже, чем тебя опустили эти господа. Ты знаешь каждый мой шаг... Видеть тебя больше не хочу!

ДЕРГОБУЗОВ. Эффектная семейная сцена! Но это ваши дела. Меня, кстати, деньги не интересуют. Мне дом Эдика нравится, я его давно хотел. Предлагал купить – ни в какую. А тут вот расчувствовался и поставил.

БОВА. Честно говоря, удивляюсь, что он картины никогда не ставил.

ПЁТР. Картины Эдуард Викторович и на более важные дела не пускал.

КАРИНА. Петь, иду уже, свободен.

ПЁТР. Моя свобода, Карина Эдуардовна, в Конституции записана. Так мне позвать посетительницу?

КАРИНА. (Смотрит на собравшихся.) Думаю, да. Господа уже уходят.

Картина четвёртая

1987 год. Школа. Класс математики.

Шатрова, Карина, Нина Юзина, Бубырёв.

Шатрова пишет на школьной доске.

Входит Карина в школьной форме со спортивной сумкой.

КАРИНА. Здравствуйте, Мирра Андреевна! Можно войти?

ШАТРОВА. А, Рунец. Заходи, садись за первую парту.

Карина проходит и садится за парту в среднем ряду.

Подготовилась? Или очередная неудачная попытка, м, овальная отличница? Хочешь стать круглой?

КАРИНА. Хочу. Я учила. Повторила всё, что вы велели.

ШАТРОВА. Формулы приведения, теорема тангенсов... Готова?

КАРИНА. Ну, да.

ШАТРОВА. Тогда убираем всё с парты, кроме ручки и бумаги.

Шатрова заканчивает писать на доске. Подходит к учительскому столу, берёт листок с заданием и даёт его Карине.

КАРИНА. А часы можно оставить?

ШАТРОВА. Знаю я эти ваши новомодные электронные штучки! Небось, весь учебник туда запихнула. А? Признавайся!

КАРИНА. Да нет.

ШАТРОВА. Да или нет? Снимай и в портфель.

Карина прячет часы в сумку.

Хватит моих – простых, механических, точных.

Снимает с руки золотые часики, бережно проводит пальцами по их браслету снизу и кладёт на учительский стол.

ШАТРОВА. Число я тебе, так и быть, подскажу. Пиши: «Двадцать пятое марта восемьдесят седьмого года». Имя подсказать?

КАРИНА. Я помню, спасибо.

ШАТРОВА. А по отчеству как тебя?

КАРИНА. Эдуардовна.

ШАТРОВА. О! Вишь! Но достаточно: «Рунец Карина, деятый "Б"». Приступай! Не трать время, у тебя сорок пять минут. Не уложишься – не видать тебе золотой медали.

Дверь класса открывается, вваливается Бубырёв.

БУБЫРЁВ. Мирра Андреевна, вас...

ШАТРОВА. Бубырёв, ты что, в отцовском гараже?!

БУБЫРЁВ. Но там...

ШАТРОВА. Выйди, постучись и войди прилично.

Бубырёв хлопает дверью. Стучит.

Войдите!

Входит Бубырёв.

Что тебе, горе луковое?

БУБЫРЁВ. Мирра Андреевна, вас директор зовёт, срочно.

ШАТРОВА. Ой! Я забыла совсем. Что ж ты сразу не сказал, обалдуй?

БУБЫРЁВ. Я говорил.

Идёт к Карине.

ШАТРОВА. Идём, идём, Бубырёв! Тебе ещё рано на это смотреть. (Карине.) Работай, Рунец! Оставлю тебя минут на десять. Узнаю, что списывала... В общем, ты поняла.

БУБЫРЁВ. (Карине.) Каринка-резинка! (Показывает язык.)

Карина улыбается и мотает головой.

Шатрова и Бубырёв уходят. Карина склоняется над листками.

Входит Нина Юзина. Она в куртке поверх школьной формы, в руках держит берет и хозяйственную сумку.

НИНА. Привет, Крошка Ру. Над синусом чахнешь?

КАРИНА. Привет, Юзь! Не мешай, и так времени мало.

НИНА. А Миранда где?

КАРИНА. Её Брун вызвала. Ты тоже, что ли, хвосты подчищаешь?

НИНА. Собиралась, но не выйдет. Хотела Миранде сказать, что не буду сдавать.

КАРИНА. А чего?

НИНА. Да ничего. Трояк поставит, никуда не денется. Это тебе, вон, для форсу. А мне на кой? Сейчас со школой покончим, на завод пойду – кладовщицей или ученицей, может – всё матери полегче будет.

КАРИНА. Не знаю, Юзь, смотри сама.

НИНА. А чего тут смотреть? Видела я уже всё, кому щи постные, а кому жемчуг мелкий. Вон у Миранды часы какие! Золотые, изящные. С такими и у шпалоукладчиц руки станут, как у принцесс. На зарплату учительскую такие только и покупать.

Кидает берет на учительский стол.

КАРИНА. Юзя, не трогай там ничего, ты что! Миранда вернётся, съест меня живём, скажет, я у неё на столе ответы искала.

НИНА. Эх, Крошка Ру, были б тут ответы. Шёл-шёл десятый «Б» и оказался на перекрёстке тысяч дорог. И ни ответов дальше, ни учительского стола... Кому по прямой, кому по кривой, кому на обочину, а кому и под откос. Ни остановиться, ни очередь пропустить...

КАРИНА. Нин, ты извини, но видишь же, некогда мне. Тем более зарплату обсуждать и метафоры. Хочешь, я передам Миранде, что ты приходила?

НИНА. А? Нет-нет, не надо ничего, я сама.

Забирает с учительского стола берет, идёт к двери, в дверях сталкивается с Павлом.

Вот, Крошка Ру, смотри, вечный твой спаситель явился.

ПАВЕЛ. Привет, Нинка! А что, Миранды нет?

НИНА. У Врунессы она, путь свободен.

ПАВЕЛ. Ага. Кариш, привет! Ну как, получается?

КАРИНА. Да-да, Пашка, иди! Миранда застывает, и всё впустую.

ПАВЕЛ. Хорошо-хорошо. Вот здесь! Здесь, смотри, минус забыла. Всё, ладно, жду тебя на улице. Ни пуха!

КАРИНА. К чёрту!

Павел уходит. Входит Шатрова.

ШАТРОВА. Так, Рунец, повезло тебе – я часы забыла. Хорошо у Инессы Леопольдовны в кабинете электронные. Минут пятнадцать лишних у тебя было. Подарок фирмы, можно сказать.

КАРИНА. А я успела, Мирра Андреевна, проверяю.

ШАТРОВА. Детка, оставь проверку мне. Уверю тебя, у меня получится не хуже.

КАРИНА. (Суетливо собирается.) Тогда я пойду, Мирра Андреевна. Вот листочки, я подписала. (Кладёт листы на учительский стол и идёт к двери.)

ШАТРОВА. Постой-ка. (Роеся на столе.)

КАРИНА. До свидания, Мирра Андреевна! (Прикрывает за собой дверь.)

ШАТРОВА. Куда ж я часы-то дела? Рунец, постой! Вот, егоза, отличница херова, погоди, я тебе круглость-то подпорчу!

Картина пятая

1987 год. Школа. Кабинет директора.

Брун, Шатрова, Карина.

ШАТРОВА. Нет, а кто ещё их мог взять?

БРУН. Мирра Андреевна, бывает же такое: человек положит вещь машинально или случайно, думает при этом о важных делах, увлечён новой идеей, и не знает потом, куда эта вещь делась.

ШАТРОВА. Бывает, Инесса Леопольдовна, и не такое бывает. Но тут...

Входит Карина.

БРУН. Проходите Карина, проходите.

ШАТРОВА. Вот, полюбуйтесь на неё. Ни капли раскаяния! Отчислить, и всё...

БРУН. Погодите, Мирра Андреевна, давайте разберёмся.

ШАТРОВА. Да, давайте разберёмся и отчислим.

БРУН. Карина, я вас знаю, как прилежную ученицу, вы и общественную работу ведёте, и шефство над начальной школой. Идёте на медаль...

ШАТРОВА. Шла... Шла на медаль.

КАРИНА. Я неправильно решила тригонометрию?

ШАТРОВА. Наглость какая! Это за гранью...

БРУН. Карина, Мирра Андреевна думает, что вы взяли одну её вещь.

КАРИНА. Я ничего не брала.

ШАТРОВА. (Хлопает себя по бедру.) Фантастическая наглость!

БРУН. Мирра Андреевна, успокойтесь, пожалуйста. (Карине.) Карина, скажите, вы видели часы Мирры Андреевны, когда были в кабинете математики?

КАРИНА. Да, она засекала по ним время и положила на стол.

БРУН. «Она» – это Мирра Андреевна, да?

КАРИНА. Да, это она.

ШАТРОВА. Хамка.

БРУН. И что было дальше?

КАРИНА. Пришёл Бубырёв, сказал, что вы вызываете её... Мирру Андреевну. Она... Мирра Андреевна ушла. Потом пришла, и я ушла.

БРУН. И никто не приходил в отсутствие Мирры Андреевны?

КАРИНА. Никто. Откуда я знаю, может, она часы потом потеряла, забыла, а на меня думает. Ещё биологичка... Ну, Софья Анатольевна теперь тоже знает.

БРУН. Что знает?

КАРИНА. Что я часы взяла?

БРУН. Так вы взяли? Карина?

КАРИНА. Как будто, как будто я взяла.

ШАТРОВА. Вот и проговорились. Ясно всё.

КАРИНА. Да если бы я даже и хотела, зачем же брать, когда я там одна сидела. Ясно, что на меня и подумают.

ШАТРОВА. Прекрасная отговорка. Долго думала? Вы бы алгебру так решали.

БРУН. Но, Мирра Андреевна, зачем же вы?... Раньше времени.

ШАТРОВА. Ой, Инесса Леопольдовна, простите, так я разволновалась... В чувствах вся, знаете, и поделилась...

БРУН. Да уж, это ни к чему. У Софьи Анатольевны секретов нет. (Карине.) Вы пока ступайте, Карина, мы подумаем, как лучше поступить. Но ситуация очень неприятная.

Карина выходит.

ШАТРОВА. Всё им мало. Вот ведь хапуги. Яблоня от яблока...

БРУН. Яблоко от яблони. А что у Карины с яблоней? Вам что-то известно?

ШАТРОВА. Так папаша у неё какой-то старый интеллигент. То ли искусствовед, то ли коллекционер. Какие-то у них там корни.

БРУН. Корни сами по себе ни обвинение, ни приговор, ни наказание. Мой дед тоже выходец из немецкого дворянства, но меня не интересуют чужие... побрякушки.

Картина шестая

1987 год. Квартира Юзиных.

Карина, Нина, братья Нины.

Бегают два пацанёнка примерно одного возраста. Звонок.

НИНА. Mam, я открою. (Пацанятам.) А ну, брысь!

Входит Карина.

КАРИНА. Привет, Юзя! Я к тебе.

НИНА. Ну привет, Крошка Ру. Понятно, что не к маме и не к ним вон...

КАРИНА. Ты знаешь, что меня обвиняют в краже часов у Миранды?

НИНА. Тоже мне новость! Вся школа знает.

КАРИНА. Уже вся?

НИНА. Дерьмо быстро растекается.

КАРИНА. Нина! Но их же ты взяла!

НИНА. Чего это?

КАРИНА. Я помню. Положила беретку сверху и... унесла.

НИНА. Ох, прям мисс Марпл. Может, Пашка твой взял. А? Точно, Пашка! На Новый год тебе их подарит, вот посмотришь!

КАРИНА. Нет, Юзь, не сходится. Паша к мирандиному столу не подходил. И пробыл-то всего минуту, а то и пол. С другой стороны он подошёл, только меня успел... Это... Ошибку у меня заметил и ушёл сразу.

НИНА. Ой-а!

КАРИНА. А ты долго была, философствовала и про часики говорила и говорила, хотя они уже под береткой твоей лежали. Как тебе не стыдно, Нина?!

НИНА. Не стыдно? А мне стыдно. Стыдно на голодных братьев смотреть. На вечно усталую больную мать. На эти грязные сырые обои. Стыдно рваные колготки прятать под длинной юбкой, пока вы с девчонками коленками да ляжками сверкаете.

КАРИНА. Нина, я, может, и не могу до конца понять тебя, но сочувствую. Я же и денег тебе на обеды давала, вспомни, и на кино тоже? Зачем ты меня-то подставляешь? Я-то чем перед тобой виновата? Шла бы в ПТУ после восьмого или работать. Чего ты в девятый пошла тогда?

НИНА. Пошла, потому что отец был жив. Могла себе позволить такую роскошь – синусы с вами зубрить. А ты нет, не виновата. Только я, видать, одна кругом виновата. Да на, забери. (Нина достаёт тряпочный свёрток.) Ты сейчас чем рискуешь? Золотую медаль не дадут? Ах ты, бедненькая! На, иди, скажи, вот, мол, пропажа, нашлась. Тебя отблагодарят! Ещё и срок дадут. Условно, конечно. Или, может, пожалеют, не дадут, но за всю жизнь не отмоешься. А так покудахтают, ничего не докажут. Свидетелей нет, часов тоже. А нам вчетвером на эти деньги месяца три жить, а то и четыре.

КАРИНА. Юзя, что, и мама твоя знает?

НИНА. Да ты дура, что ли, Крошка Ру? Мать умрёт, если узнает. Продам втихаря, буду ей давать понемногу, как будто заработала.

КАРИНА. Дай сюда. (Выхватывает у Нины свёрток.) Ты, Нина, совсем полоумная. Понимаю, трудности, тяжело тебе, но так нельзя. Нельзя, Юзя, не выход это. Это – тупик! Не обочина, не откос – пропасть, понимаешь. Упадёшь, и обратной дороги не будет. Одумайся, глупая! Если ты человек, расскажи в школе, как дело было.

НИНА. Нет уж, это дудки. Мать, если и переживет, когда узнает, не справится с братьями, если меня вдруг в тюрьму посадят.

КАРИНА. Прощай!

Карина выходит.

НИНА. (Кричит ей в след.) Иди-иди, дура! Я тебе в колонию пришлю медаль. Из картошки. (Хлопает дверью, садится под вешалкой с верхней одеждой и плачет.)

Картина седьмая

1987 год. Улица перед домом Нины Юзиной.

Карина, Павел.

Выходит Карина.

ПАВЕЛ. Ну что, отдала?

КАРИНА (всхлипывает). Отдала. Но, Паш, она права. Теперь-то что будет.

ПАВЕЛ. Ты о чём, вообще? Часы у тебя?

КАРИНА. У меня. В том-то и дело. Ты не понимаешь?

ПАВЕЛ. Нет.

КАРИНА. Они у меня теперь. То есть я их и взяла, получается. Про Юзьку никто и не узнает теперь.

ПАВЕЛ. Тьфу, ерунда. Давай, выбросим их, и вся недолга.

КАРИНА. И меня всё равно без медали оставят. Вот ведь вляпалась! Что за бред, Паш?!

ПАВЕЛ. Вот, Юзка сволочь! Кто бы подумал...

КАРИНА. И потом, вы с ней друг друга видели. Кто знает, что она теперь может рассказать. Она намекала сначала, не ты ли часы украл. Говорит: «Он тебе на Новый год их подарит», представляешь?! (Закрывает лицо руками и плачет навзрыд.)

ПАВЕЛ. Где они хоть, покажи.

Карина достаёт свёрток.

Дай-ка мне!

Хватает свёрток и убегает.

КАРИНА. Паша, ты куда?! Вернись!

Картина восьмая

1987 год. Школа. Кабинет директора.

Брун, Шатрова, Павел, Карина.

БРУН. Павел, как же вы могли?

ПАВЕЛ. Не знаю.

ШАТРОВА. Но зачем?

ПАВЕЛ. Хотел подарить на Новый год любимой девушке.

БРУН. (Смеётся.) Какой кошмар.

ШАТРОВА. Инесса Леопольдовна, у меня нет слов. (Павлу.) Так ты заходил в мой кабинет, когда Рунец писала работу?

ПАВЕЛ. Да.

ШАТРОВА. И она тебя видела?

ПАВЕЛ. Не знаю. Она увлеклась решением, могла и не заметить.

ШАТРОВА. Да, тригонометрия – увлекательный раздел, оторваться невозможно.

БРУН. Мирра Андреевна, будьте добры, пригласите Карину Рунец, спросим у неё.

Шатрова выходит.

БРУН. Павел, что происходит? Подарить девушке? Что вы говорите? Если бы на вашем месте стоял другой молодой человек, я бы задумалась, но вы! Что за цирк, объясните мне!

ПАВЕЛ. Не знаю. «Бес попутал» лучше звучит?

БРУН. Ёрничаете? Понятно, что попутал. Вы кого-то выгораживаете?

ПАВЕЛ. Нет.

БРУН. Карину?

ПАВЕЛ. Нет.

БРУН. А кого? Это Карина?

ПАВЕЛ. Нет, Инесса Леопольдовна, Карина точно не при делах.

БРУН. Боже мой! Быстро вы сменили стиль речи. Значит, она этого не делала?

ПАВЕЛ. Нет.

БРУН. А кто?

ПАВЕЛ. Я.

БРУН. Угу, вижу... Вы понимаете, что Строгоновское училище для вас теперь закроется, может быть, даже навсегда? Ваш талант пропадёт даром, вы это понимаете?

ПАВЕЛ. Ничего, пойду в оформительское ПТУ.

Входят Шатрова и Карина.

ШАТРОВА. Вот наша красавица.

БРУН. Карина, скажите, Павел заходил в кабинет, когда вы писали работу?

Карина удивлённо смотрит на Павла, он кивает.

КАРИНА. Паша?

ПАВЕЛ. Заходил я, заходил.

КАРИНА. Да... Заходил.

ШАТРОВА. Что ж ты сразу не сказала? Это же уголовное преступление – недонесение о правонарушении.

КАРИНА. Заходить в ваш кабинет – правонарушение?

БРУН. Мирра Андреевна, что вы в самом деле?... Карина, почему вы не сказали при нашем первом разговоре?

КАРИНА. Я испугалась. Мирра Андреевна решила бы, что Павел мне помог. А он заходил всего на несколько секунд. Просто сказал, что ждёт меня на улице.

БРУН. И больше никто не заходил?

Павел и Карина переглядываются, отвечают быстро и одновременно.

ПАВЕЛ и КАРИНА. Нет! Никто не заходил!

БРУН. Ну, яс-сно... Идите, подумайте, глядишь, вспомнятся ещё какие подробности.

ШАТРОВА. Тригонометрию, Рунец, пересдашь. В моём присутствии, и дверь закроем на ключ.

Картина девятая

2010 год. Дом Эдуарда Викторовича. Гостиная.

Карина, Павел, Юрий, Бова, Дергобузов, Пётр, Мудива.

Бова, Дергобузов, Юрий и Павел суетятся, собираясь покинуть гостиную. Входит Мудива в сопровождении Петра.

ПЁТР. Вот, Карина Эдуардовна... Имя, правда, я так и не запомнил.

Все застывают, разглядывая высокую стройную чернокожую женщину.

МУДИВА. Добрый дэн. Жё мапель Мудива́ Мадаки́-Фили́н.

ПЁТР. Её зовут Мудива Мадаки-Филин.

ДЕРГОБУЗОВ. (Бове.) Я правильно расслышал? Это точно французский?

БОВА. На твоём месте, я бы не спешил повторять вслух.

КАРИНА. Господи! Этот кошмар никогда не закончится!

МУДИВА. На ваш язык – Люба Мадакова.

БОВА. Лучше, но не намного.

КАРИНА. И чего вы хотите?

МУДИВА. Жё сьюи жина Аркады Филин.

ПЁТР. Она жена Аркадия Филина.

КАРИНА. Я догадалась. Документы у вас есть?

МУДИВА. Уи. Документ. Делат... нуво... в амбасад.

ПЁТР. В посольстве. Сделала новые, что ли...

КАРИНА. Петь, и без тебя понятно, помолчи!

Мудива даёт Карине папку.

МУДИВА. Я хотеть... асюранс...

ПЁТР. Страховка.

МУДИВА. Э ма туалет.

ПЁТР. И картина.

Действие второе

Картина первая

2008 год. Дом Эдуарда Викторовича. Гостиная.

Эдуард Викторович, Карина, Юрий, Пётр, Филин (голос по телефону).

РУНЕЦ. Так, Петя, сегодня последний день выставки. Пометь себе: картины Синешёкова и Заикина в галерею, импрессионистов – в хранилище.

ПЁТР. Записал.

РУНЕЦ. Завтра заberi копии у Павла.

ПЁТР (неодобрительно качает головой). Конечно, Эдуард Викторович.

РУНЕЦ. Да, и такси мне вызови сегодня, на восемь вечера.

ПЁТР. Куда поедете?

РУНЕЦ. Как обычно. Отдохнём немного с Бовой Карловичем и Дергобузовым.

ПЁТР. Эдуард Викторович, дорого вам обходится отдых в их тёплой компании.

РУНЕЦ. Так, Пётр!

ПЁТР. Да, Эдуард Викторович?

РУНЕЦ. Займись.

ПЁТР. Как скажете, Эдуард Викторович.

Входит Карина.

КАРИНА. Папа, включай телевизор.

РУНЕЦ. Я думал, ты не смотришь телевизор. Что-то стоящее?

КАРИНА. Новости. (Борется с пультом.) Включайся! Ну же!

Телевизор включается. Идут новости. Голос диктора: «А теперь о погоде...»

Эх, опоздали.

Входит Юрий.

ЮРИЙ. Вы слышали? В Конго переворот.

КАРИНА. Да вот, не успела включить новости.

РУНЕЦ. Переворот в Конго? И что? В Африке, по-моему, каждый день перевороты. За всеми не уследишь. Да и нам-то что за беда?

КАРИНА. Жеро, папа. Владелец уехал как раз в Конго. Ты забыл?

РУНЕЦ. А, да-да-да, конечно. Аркадий Ильич. Вылетело из головы. И что там, и что? О Филине есть известия?

ЮРИЙ. О Филине? Думаю, им сейчас не до орнитологии.

КАРИНА (Петру). Петь, узнай, будь ласка, что к чему. В интернете наверняка уже говорят об этом.

ПЁТР. Хорошо, Карина Эдуардовна, сейчас разузнаю и доложу.

Пётр выходит.

ЮРИЙ. Нам, собственно, нечего бояться? Картина целёхонька. Сколько уже?.. Четыре года она у нас. От хозяев ни слуху ни духу.

КАРИНА. Филин не только картину, он и жизнь застраховал.

РУНЕЦ. Нет-нет, мы надеемся, он жив, и его алмазные родственники тоже. Интересно, в России у него остались... в смысле, есть у него дети, родственники?

КАРИНА. В России нет.

РУНЕЦ. Тогда получается... Так, чисто гипотетически... Если обстоятельства сложатся не так успешно, как я того желаю, картина останется у меня?

КАРИНА. Пап, у него ещё жена, её родственники и какие-то ещё, припоминаю сейчас, он говорил.

ЮРИЙ. (Карине.) Эта картина у папы, как любовница – пользуется, но не владеет. Но готов драться за свою любовь. Прям семьями хоронить. Хотя, если серьезно, страшно представить эти африканские ужасы. Если Филин не дурак, догадается спрятаться в нашем посольстве.

Входит Пётр.

КАРИНА. Узнал что-нибудь?

ПЁТР. Да, переворот в Конго произошёл уже три дня назад. Много жертв. Заводы, фабрики и средства связи национализированы. Объявлено, что, за небольшим исключением, все семьи промышленников казнены. В том числе и в полном составе семья алмазного магната Мадаки.

ЮРИЙ. Да, жалко Мадаков. А про россиян что, слышно что-нибудь?

ПЁТР. Да... Слышно...

РУНЕЦ. Петя, не тяни! Что там?

ПЁТР. Самолёт с работниками посольства сбили на взлёте. Никто не выжил. Ещё на борту были беженцы. Много.

РУНЕЦ. Какое горе! Какое горе! (Постепенно отходит к двери и выходит.)

ЮРИЙ. Спасибо, Петя! Принёс дурную весть, но теперь картина проясняется. Хотя с картиной-то как раз дело по-прежнему тёмное.

КАРИНА. Пойду посмотрю в его деле телефон. Попробую связаться с Филином.

Карина выходит.

ЮРИЙ. Пётр, ты уже несколько лет у Эдуарда Викторовича... служишь. Сколько тебя помню, ты не меняешься, такой же молодой – прям вчерашний студент.

ПЁТР. Конституция такая.

ЮРИЙ. Ты, кстати, что заканчивал?

ПЁТР. Академию управления. С отличием.

ЮРИЙ. В этом я не сомневался. Слушай, видел тут краем глаза, что ты картины вывозил из дома, потом привозил. Это зачем?

ПЁТР. Вам лучше спросить Эдуарда Викторовича. Я ничего не делаю в доме без ведома...

ЮРИЙ. Ну-ну-ну, Петя, не волнуйся. Я не хочу усложнять тебе жизнь. Идём угощу тебя пирожным. Привёз свежих вот только.

ПЁТР. От пирожных портятся зубы.

ЮРИЙ. Идём-идём, заодно расскажу, от чего зубы портятся.

Уходят. Входит Карина. Она набирает номер на мобильном. Гудки. На другом конце взволнованный голос Филина.

ФИЛИН. Алло! Алло! Карина, это вы! Алло! Мне нужна помощь!

КАРИНА. Да! Да! Аркадий, вы где? Что происходит?

ФИЛИН. Я...

Слышны возбуждённые голоса, крики и выстрелы.

(Говорит нападающим.) Нет, нет, пожалуйста! Ноу, плиз! Стоп! Донт ду ит!

Слышна автоматная очередь. Некто берёт трубку.

КАРИНА. Алло! Что случилось?

Голос в трубке: «Фак ю!»

Карина брезгливо отдёргивает мобильник от уха. Входит Эдуард Викторович. Он несёт картину Филина.

КАРИНА. Папа...

РУНЕЦ. Нет, а что такого? Востребуют – отдадим.

КАРИНА. Аркадия только что застрелили.

РУНЕЦ. Вот и... Пусть здесь повесит.

Рунец вешает картину на стену гостиной.

КАРИНА. Папа, его убили, ты не понимаешь?!

РУНЕЦ. Убили. Очень печально. Понимаю, Кариночка, понимаю.

Входят Юрий и Пётр. Пётр пошатывается, его белая рубашка выпачкана шоколадом, кремом и вареньем. Он жуёт, в руке держит блюдо с пирожным. Юрий тшечно сдерживает смех. В руке у него початая бутылка коньяка.

ЮРИЙ. Двадцать грамм коньяка – волшебная доза для нашего Пети: он превратился в другого человека.

Пятя пытается что-то сказать, но только мотает головой и давится пирожным.

КАРИНА. Да чёрт вас подери! Люди гибнут... Филина при мне застрелили.

ЮРИЙ. Наверное, в лося промахнулись. (Заливается смехом.)

КАРИНА. Идите вы... Свиньи!

Карина уходит.

РУНЕЦ. Юрочка, разливай коньячок, есть повод!

ЮРИЙ (Разом перестаёт смеяться. Вслед Карине.) Риночка! То есть как при тебе? Подожди!

РУНЕЦ. Впрочем, не важно, дай-ка...

Забирает бутылку у Юрия, открывает её и пьёт из горлышка.

И этого (показывает на Петра) впредь не пои. Окочурится ещё не ровён час. Только добро переводить. Тащи его в гараж, на просушку.

Картина вторая

2010 год. Дом Эдуарда Викторовича. Гостиная.

Карина, Павел, Юрий, Бова, Дергобузов, Пётр, Мудива.

ЮРИЙ. А мы думали, все Мадаки погибли во время переворота в Конго.

КАРИНА. Запольский, ты ещё здесь?

ЮРИЙ. Нет, я счастлив... Хотя... Бес его знает...

КАРИНА. Ну вот и заткнись. Из-за тебя её картина теперь вон... У Дергозубова.

БОВА. Дергобузова.

КАРИНА. (Кричит.) Да какая, к чёрту, разница! Зубова, бузова, обузова! Как теперь вернуть картину? Вон у него глаза – огнём горят! Почуял волк баранину.

ДЕРГОБУЗОВ. Наглый мошенник волк. Какой я, однако, колоритный персонаж. (Бове.) Нет, а почему, собственно, надо отказываться от желания заработать? А когда, кроме желания, есть ещё и возможность, бездействовать просто грех.

МУДИВА. Малёрэзман... К зожалениу... Маю семью уби́лы. Тогда ми быть с Акады в... амбасад дё Русй.

ПЁТР. В посольстве России.

КАРИНА. Пётр... (Мудиве.) От вас два года ни звука, ни... Вы сначала числились прапавшей без вести, потом – погибшей.

МУДИВА. Ми бежат аэропорт... Мэ... Но... опаздат. Ёрэзман... К счастье для мы... для нас. Нас взят... эликоптр франсэ.

ПЁТР. Французский вертолёт.

МУДИВА. Вэртольот, уи. Мэ... Но быт... эксплозьён.

ПЁТР. Взрыв.

МУДИВА. Уи... Да... Взрыв. Фуми.

ПЁТР. Дым.

МУДИВА. Аркады... Иль рэста... Э... И... Жё лэ пердю дё ву.

Все смотрят на Петра.

ПЁТР. А... Он остался, и... Она потеряла его из виду.

КАРИНА. Господа, а чего вы ждёте? Давайте уже, теряйтесь из виду. (Мудиве.) Свидетельство о смерти Аркадия есть?

МУДИВА. Да. Ест. Там. (Показывает на папку, которую она передала Карине.)

КАРИНА. Что ж, Дергозубов... Ваш звёздный час... Дождались!

ЮРИЙ. Дергобузов.

КАРИНА. Да замолчи, ты, Запольский. И Дергопузов дождётся... (Дергобузову.) Так сколько вы хотите за картину?

ДЕРГОБУЗОВ. Не привык я, Карина Эдуардовна, такие вопросы решать на бегу, в нервной обстановке...

КАРИНА. Так не бегите. Стойте и решайте. Или вон сядьте... Я не знаю. Лягте, полежите. Всё для вас!

БОВА. Давай, Вань, и правда... Что ты ломаешься как копеешный карандаш. Противно смотреть.

ДЕРГОБУЗОВ. Карлыч! Отвернись. Думаю, с учётом нанесённых мне оскорблений, я обменяю Жеро на всю остальную коллекцию Эдика.

КАРИНА. Вы шутите?

ДЕРГОБУЗОВ. Нет, шутки кончились.

КАРИНА. Нет, это невозможно.

ПЁТР. Да, это невозможно.

КАРИНА. Петя! Ты-то ещё что?

ПЁТР. Эдуард Викторович завещал часть картин передать в музей, а оставшиеся распродать, и вырученные средства направить на борьбу с онкологическими заболеваниями. Некоторые картины в коллекции Эдуард Викторович заменил копиями. Что стало с подлинниками, даже мне не известно.

КАРИНА. Ну вот и всё... Теперь она подаст на меня в суд.

ПАВЕЛ. Господа, секунду.

БОВА. Павел Сергеевич?

ПАВЕЛ. Всё несколько сложнее.

КАРИНА. Ещё сложнее... Куда ещё-то? И так всё кончено...

ПАВЕЛ. У Ивана Глебовича тоже копия.

ДЕРГОВУЗОВ. Ну знаете! Эксперт вы хренов! То подлинник, то подделка...

БОВА. Копия.

ДЕРГОВУЗОВ. Да наплевать. Я вам что тут, мальчик?

Юрий крадётся к двери и выходит.

БОВА. (Павлу.) А у меня?

ПАВЕЛ. Не волнуйтесь, Бова Карлович, у вас по-прежнему копия.

БОВА. Нет, Павел Сергеевич, в самом деле, всему есть предел, знаете ли. Где же подлинник?

ПАВЕЛ. Если вы говорите о картине Эдуарда Викторовича, или, точнее, об оставленной и застрахованной Филином, то она у меня.

КАРИНА. Ничего уже не понимаю. Получается, Паша, хорошо, что ты тоже сволочь?

БОВА. Возмутительно! Что вы себе позволяете, Павел, понимаешь, Сергеевич. Лет десять назад я бы...

ПАВЕЛ. Ни секунды не сомневаюсь, Бова Карлович.

БОВА. Я вас засужу за присвоение чужого имущества и за подделку...

ПАВЕЛ. Как и десять лет назад, вы рубите с плеча, вместо того чтобы дослушать до конца.

БОВА. Давайте, что там у вас за конец?

ПАВЕЛ. Когда... А где он, кстати?

БОВА. Кто?

ПАВЕЛ. Юра.

ДЕРГОВУЗОВ. Сбежал, собака. Пусть попрячется, так даже интереснее.

МУДИВА. У вас проблем? У э ма туалъ?

ПЁТР. «Где моя картина?» – спрашивает.

ПАВЕЛ. Сейчас-сейчас! Найдём! Когда приснопоминаемый Юрий Лукич принёс мне Жеро и заказал копию, я тщательно изучил картину и навёл справки – поговорил с коллегами, посмотрел в каталогах.

БОВА. Сейчас не лучшее время набивать себе цену. Что дальше? Что вы узнали?

ПАВЕЛ. Это была тоже копия.

БОВА. Как-то мне от этого легче не становится. Павел Сергеевич, ответьте же наконец, где оригинал!

ПАВЕЛ. Оригинал Филин тайно вывез в Конго. Скорее всего, дипломатической почтой. Во время переворота полотно сгорело во французском посольстве.

КАРИНА. Зачем же он копию застраховал на... Неприлично даже говорить вслух.

ПАВЕЛ. Вот, и мне стало интересно, в чём же ценность картины.

БОВА. Нет, слушайте, нагревательные электроприборы раньше экономили уйму времени. В чём, в чём ценность?!

ПАВЕЛ. Для вас, Бова-из-Ростова, ни в чём. А вот для госпожи Мадаки-Филин – это огромный, просто гигантский кусок пирога.

ДЕРГОВУЗОВ. Этот соплик издевается! Теперь пошли кулинарные метафоры.

ПАВЕЛ. На картину нанесены мельчайшие штрихи – тайный код. Видимо, зашифрованная информация об активах Филина в России. Я не ошибся, мадам Филин?

МУДИВА. Да, не ошибся.

ПЁТР. Да, не ошибся.

КАРИНА. Пётр!

ПАВЕЛ. У алмазных промышленников, разумеется, кубышек предостаточно по всему миру наделано. Но стоит набрать в Яндексе фамилию «Мадаки», как выяснится, что самые вожаки из них, как то в США, и большинство счетов в Европе, либо национализированы, либо заморожены. Так что Филинская, по-простому говоря, заначка Любе жизненно необходима. Так, Люба?

МУДИВА. Ещё дедушка предупреждать, не связывайся с русским. Что вы предлагать?

ПЁТР. О, неплохой русский.

МУДИВА. Спасибо!

ДЕРГОВУЗОВ. Мадам, у меня есть деловое предложение.

МУДИВА. Ва донке, вей ом авид!

ПЁТР. Э... Подите прочь, алчный старикашка!

ДЕРГОВУЗОВ. Эй, ты, полегче! Переводчик!

ПЁТР. Божественный язык!

ПАВЕЛ. На ваши копии я код, разумеется, не перенёс, Иван Глебыч. Вам ничего не светит.

ДЕРГОВУЗОВ. Да я не об этом вовсе...

БОВА. Ладно, Глебыч, тебя послали, вот и пойдём подышим.

КАРИНА. Только сейчас поняла, как мне было душно всё это время.

МУДИВА. (Петру.) Гарсон, Пьер, проводить меня, жё ву при.

Картина третья

1993 год. Дом Эдуарда Викторовича. Гостиная.

Эдуард Викторович, Карина, Люся Гедич, Павел.

РУНЕЦ. Замуж не для любви выходят, Кариночка.

КАРИНА. А для чего же?

РУНЕЦ. Для жизни.

КАРИНА. Что ж за жизнь без любви?

РУНЕЦ. Ой, только не начинай, прошу. Любовь – это мука, стремишься и не достигаешь, страдаешь и исцеляешься, жаждешь и не напиваешься, алчешь...

КАРИНА. Пап!

РУНЕЦ. Разве это жизнь? Жизнь – это развитие, рост, созидание фундамента для будущих поколений, не каждый же раз им с нуля начинать. И вообще любовь, как говорят французы...

КАРИНА. Пап, можно без этих пошлостей! Русские придумали, чтобы денег не платить... Сколько можно?!

В дверях появляется Люся Гедич.

ГЕДИЧ. Ой, извините, Эдуард Викторович, вы не один.

КАРИНА. Девочка, ты планетой не ошиблась?

РУНЕЦ. Да-да, Люсенька, подождите меня в кабинете.

КАРИНА. Ага, в прихожей, на коврике подожди.

ГЕДИЧ. (Строит Карине рожу.) Хорошо, Эдуард Викторович, я подожду.

Гедич уходит.

КАРИНА. А это что, пап? Кирпичик из фундамента?

РУНЕЦ. Карина, откуда такая грубость! Людмила, моя практикантка. Из архивного института. Изучает тонкости хранения картин в частных коллекциях.

КАРИНА. Научить гвозди в стену забивать одного дня – во! (Проводит ладонью над головой.)

РУНЕЦ. Со стороны любое дело кажется не сложнее таблицы умножения.

КАРИНА. Со стороны – эта Гедич каждый день тут ошиивается, пока мама в больнице. Тебе, вообще, не стыдно, пап? Неизвестно ещё, что обследование покажет. А ты тут развёл... практику со студентками.

РУНЕЦ. Гедич, Карина, Люда Гедич. И за что стыдно? Семья семьёй, но у мамы своя жизнь, у меня своя.

КАРИНА. Какая это у мамы своя. У неё в жизни ничего нет, кроме тебя.

РУНЕЦ. Так это и есть – своя. Чья ж ещё?!

Входит Павел.

ПАВЕЛ. Здравствуйте, Эдуард Викторович! Привет, Карина, ты готова?

РУНЕЦ. Приветствую тебя, ведущий мою дочь... Куда вы нынче-то намылились?

ПАВЕЛ. В Центральный дом художника, там...

КАРИНА. А я, Паша, никуда не иду.

ПАВЕЛ. Почему это?

КАРИНА. Понимаешь, папа против нашей с тобой женитьбы.

РУНЕЦ. Кари-ина!..

ПАВЕЛ. В принципе, я догадывался. Чем же я вам не подхожу, Эдуард Викторович?

РУНЕЦ. Подходишь – это ты, положим, не мне, а Карине. Но она моя дочь, если ты не забыл. И её судьба мне не безразлична, само собой.

ПАВЕЛ. Это естественно, я понимаю.

РУНЕЦ. И замужество тоже... Свадьба – это начало жизни, веха, открывающая эпоху!
А не праздник окончания охоты.

ПАВЕЛ. Мы можем и без свадьбы.

КАРИНА. Как это? Вот ещё?

РУНЕЦ. Конечно, ты можешь. А надо, чтобы мог со свадьбой. Хорошо, а потом что? Где жить, чем детей кормить?

ПАВЕЛ. Какой-никакой заработок имеется. И потом, у меня планы?

РУНЕЦ. Ключевое слово: «никакой». Планы! Тебе сколько лет, Паш?

ПАВЕЛ. Двадцать три.

РУНЕЦ. Двадцать три, а ты только поступать собрался. Пять лет в студентах. На чью шею семью посадить собираешься?

ПАВЕЛ. Я в гранитной мастерской подрабатываю на Хованском. На жизнь хватает.

РУНЕЦ. Вот, Кариночка, будет кому памятник на папину могилку поставить.

КАРИНА. Ага, будь спокоен.

РУНЕЦ. А школьная история с кражей? Возьмут ли в Строгановку – ещё вопрос.

КАРИНА. Папа! Ты же знаешь!

ПАВЕЛ. Возьмут. У меня профильное среднее образование и рекомендация с характеристикой.

РУНЕЦ. Профильное? Это вот то пэ-тэ-у в Подмоскovie? И кто ж тебе на кладбище рекомендацию выдал? Боюсь даже предположить...

ПАВЕЛ. Я когда в Мурманске служил, писал портреты командования. Мне командующий флотом дал рекомендацию.

РУНЕЦ. Ох, не знаю, не знаю, Пашка. Что-то как-то жиденько. С адмиральской рекомендацией у могилки подвизаться.

ПАВЕЛ. Мы с Кариной любим друг друга. А жизни без трудностей не бывает, особенно в начале.

РУНЕЦ. Конечно-конечно, особенно, если их нарочно собирать.

КАРИНА. Ладно, Паш, хватит. С любовью ты не по адресу обратился. Тут душа дешевле гроша. Идём, я готова.

Звонит телефон. Рунец снимает трубку.

РУНЕЦ. Да, слушаю! Да-да, доктор, здравствуйте! Так-так! Угу... Даже так?

КАРИНА. (Павлу.) Из больницы звонят. Мамин лечащий.

РУНЕЦ. Третья стадия... Да-да, понимаю. Сколько? Ага... И каковы шансы?

КАРИНА. Рак...

ПАВЕЛ. погоди ты, может, у Анна Осиповны всё ещё обойдётся. Она ж всегда такая, о-го-го!

РУНЕЦ. Ясно, ясно, доктор. Конечно, да. До скорого!

Рунец вешает трубку.

КАРИНА. Ну, что там, пап?

РУНЕЦ. Рак. Третья стадия. Нужда срочная пересадка.

КАРИНА. Насколько срочная?

РУНЕЦ. Неделя-две. Сделают, как только заплатим.

КАРИНА. Сколько?

РУНЕЦ. Много. Вместе с лечением выйдет около двадцати миллионов.

КАРИНА. Господи... Можно продать картины.

РУНЕЦ. Картины... Картины почти все в Германии на выставке. Так быстро их не вернуть...

КАРИНА. Прямо в Германии и продать.

РУНЕЦ. Нет... Это не вариант... Не вариант... Надо подумать... Подумать...

Рунец выходит.

ПАВЕЛ. Кариша...

КАРИНА. Паш, давай не пойдём в ЦДХ, мне что-то не хочется.

ПАВЕЛ. Хочешь побыть одна?

КАРИНА. Нет, одна тоже не хочу. Погуляем?

ПАВЕЛ. Пойдём в гости, хочешь? К одному моему приятелю.

КАРИНА. Там будет шумно?

ПАВЕЛ. Можем ещё позвать людей – будет шумно.

КАРИНА. Нет, шума как раз не хочется. Он тоже художник?

ПАВЕЛ. Нет... Он аукционист.

КАРИНА. Ого! Сколько же ему лет?

ПАВЕЛ. Молодой. Немного старше нас с тобой....

КАРИНА. Вместе взятых?

ПАВЕЛ. Да. Начинающий. Ему родители помогли стартовать, и кто-то из близких друзей, я точно не знаю, правда.

КАРИНА. Скучный наверняка. Или, как папа, будет зудеть про картины. А, ладно, пошли.

Павел и Карина выходят.

Картина четвёртая

1993 год. Дом Юрия.

Карина, Юрий, Павел.

Звонок. Юрий открывает дверь. Входят Карина и Павел.

ПАВЕЛ. Привет, Юр! Ты чего не спрашиваешь?

ЮРИЙ. Так это же вы. Вопросов нет.

ПАВЕЛ. Ты ещё и экстрасенс, почувствовал?

ЮРИЙ. (Протягивает Карине руку.) Такую красоту невозможно не почувствовать. Юрий.

КАРИНА. (Протягивает руку Юрию.) Карина.

Юрий целует Карине руку.

ЮРИЙ. Прошу, проходите. Располагайтесь. Вы какую музыку любите, Карина?

КАРИНА. Зази мне нравится. Но у вас, наверное, нет.

ЮРИЙ. Для вас, мадемуазель, у меня есть всё.

Юрий ставит пластинку. Звучит музыка.

ПАВЕЛ. Ловелас. Девушку с тобой рядом опасно оставлять.

ЮРИЙ. Такую девушку ни с кем рядом нельзя оставлять. Она кого угодно превратит в Ловеласа и Дона Жуана.

КАРИНА. Нет-нет, зачем это?! Вы мне и Юрием нравитесь.

ПАВЕЛ. Так-так! Аккуратней! Вообще-то, Карина моя невеста.

ЮРИЙ. Ого! Невеста! Так это же надо отметить! У меня есть «Кати Сарк». Тяпнем по тятпочке?

Юрий достаёт бутылку и рюмки.

ПАВЕЛ. Не помешало бы, да, Кариш?

КАРИНА. Я «Кати Сарк» не люблю.

ЮРИЙ. «Бейлиз»? «Бесквит»? Тэкила?

ПАВЕЛ. Будь здоров запасец.

КАРИНА. «Бейлиз» можно.

ЮРИЙ. Мадемуазель, как пожелаете.

Юрий разливает. Выпивают.

(Карине.) И чем занимаетесь в свободное от досуга время, если не секрет?

КАРИНА. У меня страховое агентство.

ЮРИЙ. Во как? И много агентов?

КАРИНА. Хватает.

ЮРИЙ. Есть какая-то специализация, или всё подряд?

КАРИНА. Произведения искусства в приоритете.

ЮРИЙ. Да вы что?! Смотрите-ка, мы с вами близки интересами. За это надо выпить.

Юрий наливает. Все выпивают.

И как вам на этом рынке, не сильно толкают?

ПАВЕЛ. Папа, к счастью, помогает.

КАРИНА. Ой, Паш!

ЮРИЙ. А кто папа?

ПАВЕЛ. Рунец Эдуард Викторович, коллекционер, может слышал.

ЮРИЙ. Эдуа-ард Руне-ец? Ваш отец?! Ну, за это просто грех стопочку не опрокинуть.

Юрий наливает. Выпивают.

КАРИНА. Юра, где у вас дамы пудрят носики?

Юрий провожает Карину.

ЮРИЙ. По коридору и направо, третья дверь. Мы вас ждём, Кариночка!

Карина выходит. Юрий возвращается.

(Павлу.) Пашка, чума, это плод не по твоим зубам.

ПАВЕЛ. Ты что, Юр?

ЮРИЙ. (Встаёт на колени.) Паша, отдай её мне.

ПАВЕЛ. (Встаёт.) Больной ты, что ли?

ЮРИЙ. Больной, да, больной, Паша.

ПАВЕЛ. Мы с ней вместе с детства. Я люблю её.

ЮРИЙ. (Встаёт и хватает Павла за грудки.) Что ты как маленький: люблю-люблю! Что ты ей можешь дать?

ПАВЕЛ. (Вцепляется в одежду Юрия.) Что же у вас всё по бартеру-то?!

ЮРИЙ. Ты же как мельничный жёрнов у неё на шее будешь. А я тебе выставки буду устраивать, картины твои через мой аукционный дом будем продавать.

ПАВЕЛ. Да слушай, ты... А впрочем... (Отпускает Юрия.) Не нужно мне от тебя ничего. Пусть она сама решает.

ЮРИЙ. Вот и молоток, Пашка, мужчина!

Входит Карина. Юрий отскакивает к холодильнику.

КАРИНА. Вы чего тут шумите? Подрались, что ли?

ЮРИЙ. Что вы, Кариночка! Вспомнил, что у меня пирожные свежие есть. Сейчас кофейку сообразим.

ПАВЕЛ. Ой, слушайте, забыл совсем. Мне надо отойти ненадолго.

КАРИНА. Куда ты?

ПАВЕЛ. Есть дело... Вернусь... Скоро...

Павел выходит.

Картина пятая

1993 год. Дом Эдуарда Викторовича.

Эдуард Викторович, Карина, Юрий, Павел.

Павел сидит в гостиной на диване. Входит Рунец.

ПАВЕЛ. (Встаёт.) Здравствуйте, Эдуард Викторович!

РУНЕЦ. И тебе, Павлик, не хворать.

ПАВЕЛ. Как Анна Осиповна себя чувствует?

РУНЕЦ. Лучше, спасибо! Прооперировали её. Динамика, как говорят, положительная. Ты за этим пришёл? Мог бы позвонить.

ПАВЕЛ. Я что-то Карину потерял. Несколько дней ни по телефону её не поймать, ни встретить не могу. У неё всё хорошо?

РУНЕЦ. Всё хорошо, Павлик, ни у кого не бывает. Хорошость – она же от критериев зависит.

ПАВЕЛ. Вашу жену спасли, а вы будто и не рады, Эдуард Викторович. Какие у вас лично критерии?

РУНЕЦ. Рад я, Паша, рад. И радовался бы ещё больше, если бы знал, кто оплатил Анину операцию.

ПАВЕЛ. Я думал, вам удалось-таки продать картины.

РУНЕЦ. Да нет, картины не пришлось продавать. Слава Богу! Нервируют меня такие загадки. И Каринка малахольная который день ходит.

Входят Карина и Юрий.

РУНЕЦ. Вот, сейчас она тебе сама расскажет, с чем у неё хорошо, со щами или с жемчугом.

ПАВЕЛ. Привет!

ЮРИЙ. Здорово, старичок!

РУНЕЦ. Это вы сейчас кого имели в виду, молодой человек?

ЮРИЙ. Ой, извините, Эдуард Викторович! Разрешите представиться: Юрий. Знакомство с вами большая честь для меня.

РУНЕЦ. Даже и не знаю, приятно мне или нет. Вы с какого кладбища будете?

ЮРИЙ. Ну что вы, Эдуард Викторович! С кладбищами повременим пока.

РУНЕЦ. Так вы не очередной оформитель могил?

ЮРИЙ. Нет, но имею некоторое отношение к искусству. И по большей части к изобразительному.

РУНЕЦ. По подъездам малюешь?

ЮРИЙ. Между прочим, граффити сейчас растёт в цене, вам ли не знать Эдуард Викторович.

РУНЕЦ. Начинается... Так и знал! Растёт в цене! Через сто лет до рубля за квадратный метр дотянет.

ЮРИЙ. Нет-нет, Эдуард Викторович, я всё же надеялся вас не разочаровать. У меня аукционный дом, «Запольский и партнёры», наверняка слышали.

РУНЕЦ. Слышал... Кое-что. Да вы проходите, присаживайтесь. А банкир Лука Запольский не родственник, нет?

ЮРИЙ. Батюшка мой родной.

РУНЕЦ. (Павлу.) Паш, пойдёшь, скажи на кухне, чтоб чайку нам принесли.

КАРИНА. Папа, я выхожу за Юрия замуж.

ПАВЕЛ. Значит, сделала выбор.

РУНЕЦ. Что ж, Кариночка, тебе виднее, конечно. Но хорошо ли ты знаешь Юрия Лукича? Смотри, с человеком жить, а не с положением.

ЮРИЙ. Да и в положении проще жить с человеком.

РУНЕЦ. О чём это ты?

ЮРИЙ. Шучу, шучу.

ПАВЕЛ. Кариш, ты хорошо подумала?

КАРИНА. Не знаю, о чём речь. Мы с Юрой любим друг друга и хотим всегда быть вместе. Жизнь – она задачки быстро решает. И карты тасует масть в масть и фигуры по своим клеткам расставляет.

ЮРИЙ. И чем лучше фигура, тем быстрее...

ПАВЕЛ. Юра, можно тебя на пару слов?

ЮРИЙ. Старик...

КАРИНА. Перестаньте. Все слова в прошлом. В них много красоты, но мало толку. Дела полезней и красноречивей, не в пример словам. В словах намерения, в делах – свершения.

ПАВЕЛ. Тогда... Совет вам да любовь!

Павел выходит.

Картина шестая

2010 год, Дом Эдуарда Викторовича. Гостиная.

Павел, Пётр.

ПЁТР. У вас, Павел Сергеевич, сегодня бенефис ни дать ни взять.

ПАВЕЛ. О чём ты говоришь, Петя? Какой ещё бенефис?

ПЁТР. Такие страсти кипят. И вы в центре. Всё знаете. Все ниточки к вам тянутся.

ПАВЕЛ. А что толку? Мало знать, надо мочь.

ПЁТР. Вы чего больше боитесь, судов или Дергобузова с Бовой. Юрию Лукичу я, например, совсем не завидую.

ПАВЕЛ. Я тоже больше ему не завидую. И ничего не боюсь. А вот Карина пострадает очень сильно. И финансово, и морально. В её бизнесе репутация – это всё.

ПЁТР. Зато, наконец, вы с Мариной Эдуардовной сможете быть вместе.

ПАВЕЛ. Всё-то ты знаешь... Близко же тебя Эдуард Викторович подпустил.

ПЁТР. Знал, что не укушу. Не то что некоторые...

ПАВЕЛ. Это что ещё за намёки?

ПЁТР. Вы поселитесь с любимой женщиной где-нибудь в сказочной глуши, на маленьком озере. Романтика! Дергобузов отхватит на халяву дом, Мудива получит богатства Филина...

ПАВЕЛ. Петь, ты никак завидуешь.

ПЁТР. Не завидую, но по справедливости, мне от этого пирога хоть маленький кусочек, но полагается.

ПАВЕЛ. И ты туда же? Лучше быть грязным, но сытым?

ПЁТР. Павел Сергеевич, ведь это вы приходили к Эдуарду Викторовичу. И умер он после разговора с вами.

ПАВЕЛ. Ах, вон чего... Что же ты хочешь?

ПЁТР. Решим ещё, обсудим. Смотри, что вы решите с Муди... С Любой с этой.

ПАВЕЛ. Ну Петька, ты мудёр.

ПЁТР. Вы человек богатый, а мне особо много не надо.

ПАВЕЛ. Такие крысята, как ты, Петя, вечно строят умные морды в лакеях. Потому что знают что, но не знают когда и с кем.

ПЁТР. А такие, как вы, Павел Сергеевич, вечно думают, что у них каменная мошонка. Всё-то они знают, всё-то они могут, всех-то они учат.

ПАВЕЛ. Тут ты меня с кем-то путаешь.

ПЁТР. Эдуард Викторович собирался сам со своими долгами разобраться. Продал бы картины и расплатился бы с Дергобузовым. Потом и с Бовой заодно... А вы пришли и неизвестно что ему наговорили. Теперь, по завещанию, картины уходят музеям и на продажу.

ПАВЕЛ. Да он же сам Бове проиграл Жеро.

ПЁТР. Вот я и говорю, кроме вас никто ничего не понял. Да, про шифр мы с Эдуардом Викторовичем не догадались. Но что это копия, я как только пришёл к нему работать, сразу понял. А теперь и сам без работы остался по вашей милости. И я всё расскажу Карине Эдуардовне.

ПАВЕЛ. Ишь ты, ябеда-корябеда турецкий барабан.

Картина седьмая

2010 год. Дом Эдуарда Викторовича.

Эдуард Викторович, Павел.

Входит Павел.

ПАВЕЛ. Эдуард Викторович, добрый вечер!

РУНЕЦ. Проходи, Паша. Что это ты в такую позднь.

ПАВЕЛ. Да вот, прождал всю жизнь.

РУНЕЦ. О чём ты? Выпьешь? Или чаю? Сливовое варенье есть, свежее – этого года. Два дерева плодоносили, будто и не горели эти чёртовы торфяники.

ПАВЕЛ. Варенье? Будь вы моей бабушкой, я бы растрогался. Но от вас про варенье. Коробит...

РУНЕЦ. Ну, продолжай... А я выпью.

Выпивает рюмку коньяка и закусывает ложкой варенья.

Ты же пришёл меня распять. Показывай свои гвозди.

ПАВЕЛ. Не во что вбивать. Вы со своими алчностью и жадностью превратились в...

РУНЕЦ. Ого, подготовился! Так-так...

ПАВЕЛ. Сами просидели, как паук, в своих картинах и нам с Кариной жизнь испортили.

РУНЕЦ. Я так и знал! А ты, Пашка, не поздновато с этим, нет?

ПАВЕЛ. Это вы, Эдуард Викторович, подгадываете и выгадываете по подлости душевной...

РУНЕЦ. Паш, иди ты отсюда по добру. Трясёшь тут своей испорченной жизнью. У тебя выставки каждый месяц, заказы на годы вперёд, ты эксперт мирового уровня. И всё ноешь! Чего тебе надо от меня? Да, вот такая я сволочь! Такое чёрствое... Во что там меня превратили, как ты говорил только что? Выбрала Карина Юрку, я что ли виноват. Ты, кстати, сам её с ним познакомил.

ПАВЕЛ. А кто ж ещё-то виноват? Вы же отказались картины продавать, когда Анна Осиповна болела.

РУНЕЦ. Огулял-таки ниже пояса, гадёныш. Не удержался.

ПАВЕЛ. Моя б воля, я бы вас...

РУНЕЦ. Не в воле дело, в уголовном кодексе. Слишком много теряешь. Вот и ходим мы, такие, безнаказанно.

ПАВЕЛ. Вы думаете вам всё как с гуся вода?

РУНЕЦ. Пашка, ты прям чистенький такой, да, беленький, безгрешный? Завидую! Тогда ясно, отчего ты жизнь свою не ценишь. Что ты знаешь? Да мне каждое воспоминание о том времени – нож в сердце. Меня выворачивает наизнанку, как вспомню, что похоть за любовь принял, Анюту, которая жила ради меня, дочь вырастила, хотел в могилу свести, чтобы с этой Люськой малолетней... (Держится за сердце, садится.)

ПАВЕЛ. Хороший рассказ для священника. Придёт время – расскажете. Особенно про малолеток после смерти жены... Но я, собственно, вот чего пришёл.

РУНЕЦ. Сразу бы так, прокурор республики. Зачем душу мотал? Давай ближе к делу. Фух... (Убирает руку от сердца.)

ПАВЕЛ. Да тут всё одно. Короче. Обратился ко мне Бова-из-Ростова. Краковский...

РУНЕЦ. Я прекрасно знаю, кто это.

ПАВЕЛ. Само собой, раз вы подарили ему Жеро.

РУНЕЦ. Не подарил, вообще-то, но не суть. И что Бова?

ПАВЕЛ. Это та копия, которую вы мне заказывали.

РУНЕЦ. Паша, я знаю! Что у Бовы?

ПАВЕЛ. У Бовы Карловича две такие картины.

РУНЕЦ. Две? Интересно. И откуда?

ПАВЕЛ. Дергобузов ему подарил на день варенья... Рождения. Дергобузова же вы... Знаете такого тоже?

РУНЕЦ. Ну как не знать...

ПАВЕЛ. И вот с двумя картинами наперевес, Бова задаётся вопросом: «Которая из них подделка?»

РУНЕЦ. Понятно же, что не моя.

ПАВЕЛ. Кому понятно, простите?

РУНЕЦ. Чёрт тебя, Павлик... Нам с тобой хотя бы понятно?

ПАВЕЛ. Не знаю, не знаю... Смотря сколько вам не жалко отдать за понимание.

РУНЕЦ. Ах ты ж... Строил тут из себя... Убирайся из моего дома. Пошёл вон! Найдём и других экспертов.

ПАВЕЛ. Конечно, найдёте, Эдуард Викторович. Я вам сам и порекомендую. Вы, главное, историю картины им рассказать не забудьте.

РУНЕЦ. Вот поганец... Ну змеёныш...

ПАВЕЛ. А Бова Карлович очень недоволен. Как начнёт говорить о картине, шея у него багровеет, а через итальянские костюмы будто чешуя драконья проступает.

РУНЕЦ. Господи, что ты несёшь, Павлик... Слушай, а у Дергобузова-то откуда Жеро взялся?

ПАВЕЛ. О, это отдельная история.

РУНЕЦ. Расскажи, я её и послушаю отдельно.

ПАВЕЛ. Где-то за полгода до вас, пришёл ко мне Юра.

РУНЕЦ. Юра?

ПАВЕЛ. Юра-Юра, зять ваш. Вы с Кариной болтались по Европам, а он завёз мне Жеро и заказал, догадайтесь что?

РУНЕЦ. Подлец... И ведь за это я его и любил.

ПАВЕЛ. Таких не любят, им завидуют, потому что сами так не могут.

РУНЕЦ. И что, философ, ты написал копию?

ПАВЕЛ. А чего ж не написать? Написал. Причём, как и вам, со всей душой – без рентгена не отличишь.

РУНЕЦ. Ясно. То есть у Ивана и у Бовы – копии, так?

ПАВЕЛ. Нет.

РУНЕЦ. Паш, хватит глумиться, а? Просто скажи, где и у кого подлинник?

ПАВЕЛ. Эдуард Викторович, я же вам объяснил, что не понятно? Хотите, чтобы ваша картина была подлинником? Небольшое усилие – и нет проблем.

РУНЕЦ. (Хватается за сердце и начинает задыхаться.) Петя... Петя... Пашенька... Позови Петю...

ПАВЕЛ. Эй, Эдуард Викторович! Вы что это? Стойте-стойте! Нет-нет-нет! (Бежит к двери.) Пётр! Петя, сюда, бегом!

РУНЕЦ. Скорую... Кариночка... Аня... (Замирает.)

ПАВЕЛ. Только этого не хватало.

Павел выходит.

Картина восьмая

2010 год. Дом Эдуарда Викторовича. Гостиная.

Карина, Бова, Дергобузов, Павел и Мудива.

Возвращается Мудива в окружении Дергобузова и Бовы. Вслед за ними заходит Карина и прислоняется к стене у двери.

БОВА. (Дергобузову.) Вань, не выдумывай, не нужна тебе эта дурацкая альпийская горка перед домом.

ДЕРГОВУЗОВ. Карлыч, я всё продумал, вот увидишь.

ПЁТР. Карина Эдуардовна, думаю, вам будет интересно узнать, что в день смерти, а вернее сказать, перед самой смертью, Эдуард Викторович встречался с Павлом Сергеевичем.

БОВА. Это всем интересно.

ПАВЕЛ. Любопытство – порок, Бова Карлович.

ПЁТР. Павел Сергеевич и есть тот неизвестный.

КАРИНА. Паша, и ты молчал? И ты... Паша?

ПАВЕЛ. (Петру.) Молодец! Что ж, во всяком случае ноль больше минус одного. А я-то думал, мы тебя на работу возьмём.

ПЁТР. Кто это, «вы»? Вам, Павел Сергеевич, самому бы теперь на улице не остаться.

ПАВЕЛ. Мы с Любой.

КАРИНА. Да, Петя... Не ожидала от тебя. Но на этом дереве любая зелень быстро становится гнилью.

МУДИВА. (Павлу.) Какой работа для этот малчик? Когда я мочь забрат картина?

ПАВЕЛ. Когда угодно. Вам всего лишь надо жениться на мне, и картина ваша.

МУДИВА. На вас? У вас так не говорить.

ПАВЕЛ. А мы не говорить, мы делать. У кого приданое, тот и невеста.

БОВА. Ишь, чего выдумал!

ДЕРГОВУЗОВ. Вечно везёт всякой сволочи.

ПЁТР. Македонский отдыхает...

КАРИНА. Паша... Это что же, опять?

ПАВЕЛ. Значит, ещё не все долги мы оплатили.

МУДИВА. Ж'э па лё шуа.

Все смотрят на Петра.

ПЁТР. Ну что? У неё нет выбора, говорит.

ПАВЕЛ. Так вы согласны, или я уничтожаю картину?

МУДИВА. Жё панс кё уи... Мэ... Но... Натандэ па лямур.

БОВА. (Петру.) Что там с лямуром?

ПЁТР. Да пошли вы все.

Пётр выходит.

ПАВЕЛ. Само самбой, вы откажетесь от всех претензий к госпоже Запольской и рассчитаетесь по её долгам с этими господами.

МУДИВА. Дакёр. Согласен.

В дверях слышится шум. Пятеро ребятишек – двое чёрных и трое белых – заталкивают Петра в гостиную.

ПЁТР. Стойте! Стойте, куда вы? Шпана!

МУДИВА. Се сон мезанфан.

ПЁТР. Все пятеро?

МУДИВА. А... Как сказать? Дузанфан дю премьер марьяж.

БОВА. Вот такой, говорит, марьяж в прикупе.

ДЕРГОВУЗОВ. Нет, Карлыч, это не марьяж, это чистый преферанс.
ПЁТР. Будьте счастливы, Павел Сергеевич!
Занавес.

Вирсавия

Трагедия в одном действии

Действующие лица

Багаева Виолетта Аркадьевна, 39 лет, врач.

Багаев Сергей Авдеевич, 40 лет, бухгалтер, муж Виолетты.

Багаев Анатолий Сергеевич, 17 лет, учащийся, сын Сергея и Виолетты.

Гедейко Борис Борисович, 45 лет, полковник, военный комиссар Саульска, прозвище «Абэвзгэдейка».

Кутафина Полина, 17 лет, подруга Анатолия

Удолин Артём Александрович, 17 лет, друг Анатолия

Алдунин Трофим, 21-25 лет, главарь местной шпаны, кличка «Алдун».

Ангел.

Фельдшер, медбрат, сослуживцы Сергея, больные, призраки умерших больных.

Местная шпана, разновозрастный несовершеннолетний сброд.

Место действия: вымышленный город Саульск.

Время действия: наши дни.

Действие первое

Картина первая

Лето. Июнь. Саульск. Двор между малоэтажными домами.

Толя, Полина, Алдун, шпана.

Турник. Толя в тельняшке. Рядом на бревне сидит Полина.

ПОЛЯ. Глупый ты, Толя. Что, если хорошо подтягиваешься, сразу в армию идти надо?

ТОЛЯ. Не в подтягивании же дело.

ПОЛЯ. Ты же отличник. Ещё и спортсмен. Чем только не занимаешься! Тебя в любой универ возьмут в радость. А ты – в армию!

ТОЛЯ. Я после армии в училище военное пойду. В армии тоже умные нужны.

ПОЛЯ. Ты с родителями посоветуйся хотя бы.

ТОЛЯ. Чего советовать-то? Я им сказал...

ПОЛЯ. И чего они? Прямо «за»? «Иди, – говорят, – сыночек... С глаз долой». Да?

ТОЛЯ. Нет. Против они.

ПОЛЯ. Даже не сомневалась. Ты им на зло, что ли, хочешь, не пойму?

ТОЛЯ. Да какое же в этом зло. Настоящее мужское дело. Интересно, и польза от тебя настоящая.

ПОЛЯ. А на гражданке, значит, пользы никакой, по-твоему получается?

ТОЛЯ. Ну почему никакой... И на гражданке польза, конечно... Я завтра пойду поговорю с Абэвэгэдэйкой.

ПОЛЯ. С кем?

ТОЛЯ. С военкомом.

ПОЛЯ. А, ну, походи, походи. Он-то уж железобетонно тебя поддержит.

Входит Алдун со шпаной.

Мамочки! Алдун! Толя, я боюсь.

ТОЛЯ. Не бойся, Поля. Нечего всяких тараканов бояться.

Шпана встаёт у турника полукругом.

АЛДУН. Что, Толян, не забрали ещё в солдаты?

КТО-ТО ИЗ ШПАНЫ. Он ещё молодой, не бреется.

КТО-ТО ИЗ ШПАНЫ. Школу закончил, теперь можно биксу по-взрослому выгуливать.

АЛДУН. Хорошо лежать на поле в жаркий летний день, да, Толян?

Толя бьёт Алдуна наотмашь по лицу. Алдун отворачивается, хватается за щеку. Шпана бросается на Толю, но Алдун их останавливает.

АЛДУН. Стоять! Назад все! Молодец, Толян!

Алдун хлопает Толю по плечу, поворачивается к нему спиной и бьёт его локтём в грудь. Толя сгибается, начинает задыхаться и опирается рукой на стойку турника.

ПОЛЯ. Толя!

АЛДУН. (Шпане.) Кыш! Толян – правильный мужик. Дурак, конечно. Но уважаю. Идеиные – они такие, нашрупят себе и вспыхивают, не потушишь. Но, пока горят, остальным хоть видно, куда рулить. И в нашем болоте, вишь, такая лампочка нашлась.

КТО-ТО ИЗ ШПАНЫ. Повезло тебе сегодня, матросик.

Вбегает Артём. Он тоже в тельняшке.

АРТЁМ. Толян, я здесь!

АЛДУН. Ещё один стойкий оловянный.

ТОЛЯ. Тём, стой, не надо.

АЛДУН. (Шпане.) Пошли, пусть сидят в своей песочнице. Прошвырнёмся по городу, посибаем на пивас.

Алдун со шпаной уходят.

ТОЛЯ. Придурки!

ПОЛЯ. Тебе больно?

ТОЛЯ. Ерунда.

АРТЁМ. Извини, Толян, задержался, маме помогал.

ПОЛЯ. Идите, посидим.

Поля и Толя садятся на бревно, Артём встаёт рядом.

Вот вы уйдёте с Тёмой в армию, потом ты в училище поступишь, а как же... как же я?

Кто за меня заступится? Мы как же?

АРТЁМ. Я тоже в училище. Мы с Толяном вместе.

ТОЛЯ. (Поле.) Ты учиться поедешь. Потом встретимся... Ну и...

ПОЛЯ. Это «потом» таким далеким кажется, будто и вовсе его быть не может. Найдёшь себе там, в училище... Девчонки военных любят.

АРТЁМ. Это точно!

ТОЛЯ. Не найду. И ты не ищи. Хотя... Как хочешь, твоё дело.

ПОЛЯ. Я думала, наше дело.

АРТЁМ. Что, Толян? (Показывает на турник.) Давай? По четыре подхода? И три километра потом, как договаривались?

Картина вторая

Лето. Июнь. Военкомат Саульска.

Гедейко, Толя.

Гедейко в противогазе разбирает и собирает пистолет, засекая время по секундомеру на мобильном телефоне. Стук в дверь. Гедейко снимает противогаз.

БОРИС. Войдите!

Входит Толя.

ТОЛЯ. Можно?

БОРИС. Можно Ваньку за встаньку и Леночку за коленочку, а мы «разрешите» говорим.

ТОЛЯ. Разрешите?

БОРИС. Разрешаю, боец.

ТОЛЯ. Моя фамилия Багаев. Толя.

БОРИС. Толя не знал пароля.

ТОЛЯ. Что?

БОРИС. Как ты докладываешь?

ТОЛЯ. А что?

БОРИС. Встал по стойке смирно и: «Товарищ полковник, призывник... – как там тебя? – Прибыл!»

ТОЛЯ. А, понятно.

БОРИС. Проверим и закрепим. Иди-ка, давай.

Толя выходит и стучит.

БОРИС. Да!

ТОЛЯ. Можно?

БОРИС. Что?!

ТОЛЯ. Ой! Разрешите?

БОРИС. То-то! Разрешаю, заходи.

Толя входит неуверенным шагом, напоминающим строевой, останавливается и мнётся.

БОРИС. Ну?

ТОЛЯ. Товарищ полковник, призывник Багаев прибыл!

БОРИС. Во, это по-человечески. Как, говоришь, зовут?

ТОЛЯ. Толя.

БОРИС. Надо говорить: «Анатолий».

ТОЛЯ. Анатолий, да.

БОРИС. Так точно...

ТОЛЯ. Так точно! Призывник Анатолий Багаев прибыл.

БОРИС. О, красавец! А чего ты прибыл-то? Вызывал я тебя?

Гедейко ворошит на столе папки с делами призывников.

Что-то не припоминаю.

ТОЛЯ. Да нет, товарищ полковник...

БОРИС. Никак нет...

ТОЛЯ. Так точно, никак нет, не вызывали.

БОРИС. Зачем же ты пришёл? Ко мне сами не ходят. По повестке только или с милицией.

ТОЛЯ. Товарищ полковник, понимаете, я в армию хочу.

БОРИС. Не понимаю. Вернее, я-то понимаю, но, это совершенно непонятно.

ТОЛЯ. Вот и родители не понимают.

БОРИС. Это понятно. Ты как учишься? Двоечник, небось?

ТОЛЯ. Никак нет. Отличник. И спортом занимаюсь – бегаю, самбо, бокс и гири ещё.

БОРИС. Вот молодец! Растут ещё, значит, кое-где настоящие мужики. Отличник, говоришь? Так давай в училище тебя определим. В военное.

ТОЛЯ. В училище я после армии хочу. Чтоб всё пройти. От и до, чтоб то есть.

БОРИС. Похвально. И в какие же войска хочешь?

ТОЛЯ. В десант или в морскую пехоту. Что б уже по-настоящему. Служить если, то уж научиться воевать.

БОРИС. Ишь ты, какой швыдкий. А родители отговаривают, значит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.